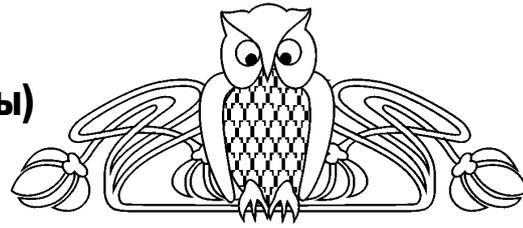

УДК 94(47).084.3

Резэвакуация жителей Псковской области (1944–1948 годы)

А. В. Филимонов

Филимонов Анатолий Васильевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Псковский государственный университет, kafotist@pskgu.ru

В статье рассматривается процесс возвращения в родные места после освобождения от немецко-фашистских захватчиков жителей Псковской области, эвакуированных в 1941 г. в восточные районы страны. Приводятся цифровые данные о числе эвакуированных и резэвакуированных, примеры случаев оказания государственной помощи последним, вскрываются трудности резэвакуации и демографические последствия войны для одной из коренных областей России.

Ключевые слова: Псковская область, немецко-фашистская оккупация, эвакуация, резэвакуация, единовременная помощь, пособие, численность населения.

Поступила в редакцию: 15.06.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Revacuation of Residents of the Pskov Region (1944–1948)

A. V. Filimonov

Anatoly V. Filimonov, <https://orcid.org/0000-0002-3958-1354>, Pskov State University, 2 Lenin Sqr., Pskov 180000, Russia, kafotist@pskgu.ru

The article discusses the process of returning of the inhabitants of the Pskov region to their native places after their liberation from the Nazi invaders, evacuated in 1941 to the eastern regions of the country. Digital data on the number of evacuated and re-evacuated, examples of state aid to the latter are presented, the difficulties of re-evacuation and the demographic consequences of the war for one of the indigenous regions of Russia are revealed.

Keywords: Pskov region, Nazi occupation, evacuation, re-evacuation, one-time assistance, allowance, population.

Received: 15.06.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-464-471>

Великая Отечественная война сопровождалась не только колоссальными разрушениями и многомиллионными жертвами, но и массовыми передвижениями населения. Значительная часть мужского населения оказалась в рядах Красной Армии, сражаясь на различных фронтах вдали от родных мест, другие находились в партизанских отрядах, под защиту партизан в «лесные лагеря» переместилось большое количество гражданского

населения – стариков, женщин, детей. Немалое число граждан СССР оказались вывезенными гитлеровскими захватчиками в Германию или в другие страны, оккупированные фашистским «рейхом». Многие советские люди, спасаясь от гитлеровского нашествия, эвакуировались в тыловые районы страны. Эвакуация проводилась в плановом порядке государственными органами, особенно при перемещении в восточные районы промышленных предприятий и учреждений, и люди, оказавшиеся в глубоком тылу, продолжали трудиться, внося свой вклад в достижение победы над врагом.

По мере освобождения временно оккупированных советских территорий и перемещения боевых действий за пределы СССР большинство эвакуированных граждан стали возвращаться в места прежнего жительства, но особенно интенсивно этот процесс развернулся с окончанием войны. В данной статье предпринята попытка осветить вопрос о резэвакуации советских граждан из тыловых районов страны на примере одной из российских областей – Псковской, образованной в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1944 г.

Настоящий вопрос в историко-краеведческой литературе практически не рассматривался. Так, в одном из первых коллективных трудов по истории Псковского края, в котором содержится множество примеров трудового героизма восстановителей городов и сел, вопрос о резэвакуации жителей оказался полностью обойденным¹. Несколько строк об этом, правда, есть в другой коллективной работе, посвященной истории Пскова: «Сразу после освобождения в городе начала возрождаться жизнь. К родным местам возвращались псковичи. На ручных тачках, детских колясках везли они домашнее имущество. Но большинство горожан находило на месте своих домов дымящиеся развалины. Люди приспособивали под жилье подвалы, землянки и блиндажи. Население Пскова быстро росло. Уже в конце августа в городе было зарегистрировано 6283 человека, а 23 сентября – более 10 тысяч».² Однако сам процесс резэвакуации автором очерка не рассматривался, из приведенных цифр не ясно, входили в указанное число резэвакуированные, или же это были люди, приходившие из лесов и окрестных деревень?! Приведенные цифры, наконец, относятся только к областному центру, но не к территории всей области.

Этот процесс не освещался и в работе о возрождении освобожденных районов Северо-

Запада РСФСР, автор которой ограничился лишь констатацией факта, что на 1 января 1945 г. «после проведения частичной реевакуации и репатриации численность населения по сравнению с довоенным временем составляла» по Псковской области 58%³.

Несколько большее внимание процессу возвращения в родные места жителей региона уделено в монографии В. А. Кутузова, хронология которой охватывает промежуток времени от момента освобождения районов Ленинградской области до окончания Великой Отечественной войны. Однако за этот период, по признанию самого автора, «значительная часть эвакуированных ... еще не вернулась в область»⁴. Поэтому, несмотря на обилие содержащихся в труде цифр и фактов о реевакуации (в том числе по районам, вошедшим впоследствии в состав Псковской области), целостного представления об этом процессе не сложилось. Отсутствует и полная картина реевакуации жителей Пскова и в нашей работе о послевоенном возрождении города⁵, так как, по мнению автора, данная тема требует самостоятельного рассмотрения на материалах не только областного центра, а Псковской области в целом. Частично восполнить этот пробел призвана настоящая статья, основанная главным образом на документах Государственного архива Псковской области (ГАПО) и охватывающая территорию области в послевоенных границах (1944–1957 гг.).

Прежде всего, необходимо вкратце коснуться вопроса об эвакуации жителей в начале Великой Отечественной войны – в 1941 г., так как без этого не потребовалась бы через несколько лет и реевакуация. Раньше всех процесс отселения и эвакуации населения коснулся республик СССР, которые первыми подверглись гитлеровскому нашествию: Белоруссии, Украины, Прибалтики, хотя военное положение в первый день войны – 22 июня 1941 г., объявлялось и в ряде областей РСФСР, в том числе Ленинградской, в состав которой входил ряд районов будущей Псковской области. Однако в Указе Президиума Верховного Совета СССР, вводившем «в отдельных местностях» военное положение «в интересах обороны СССР и для обеспечения общественного порядка и государственной безопасности», не говорилось об эвакуации населения из небезопасных районов. Указания ограничились лишь тем, что воспрещались въезд и выезд в «местности, объявленные на военном положении», лицам, признанным «социально опасными по своей преступной деятельности»⁶. Руководство страны в соответствии с довоенной установкой и многолетней пропагандой о том, что война, если случится, начнется с мелких приграничных сражений, в которых передовые части противника будут истреблены, а затем военные действия перенесутся на территорию противника, в первый день войны, видимо, всерьез на это рассчитывало, и об эвакуации населения из приграничных территорий не помышляло. И только

быстрое продвижение противника в глубь советской территории, преодолевавшего на всех участках фронта упорное сопротивление войск РККА, заставило рассматривать эту задачу как одну из важных. Но для плановой эвакуации имущества и населения из занимаемых врагом районов уже не было ни времени, ни необходимого для этого подвижного состава. Поэтому население чаще всего самостоятельно покидало родные места вместе с отступавшими частями Красной Армии, вдобавок в ряде местностей возникла неизбежная в создавшихся условиях паника.

Там, где отдельные попытки эвакуации все же предпринимались, первоочередной задачей признавался вывоз оборудования предприятий, государственного имущества, но отнюдь не населения. О такой позиции красноречиво свидетельствует, например, докладная записка военного прокурора Витебского гарнизона от 5 июля 1941 г.: «Отдельные предприятия, вывозя на машинах станки, оборудование на ж.д. станцию, стали грузить вместе с оборудованием и людской состав, причем на станции создавалась полная суматоха и неразбериха, каждый из отъезжающих стремился поместить только свои вещи, а не госимущество. Все это создало среди населения тревожное настроение и панику, и 4 июля весь город перестал жить нормальной спокойной жизнью»⁷.

В то время, когда писались эти строки, относящиеся к Витебску, противник уже вторгся в пределы Псковского края. Первоначально мало кто допускал мысль о том, что он придет на древнюю Псковскую землю, однако 4 июля части вермахта вышли на южную окраину Острова, отстоявшего от Пскова на расстоянии 50 км. После продолжавшихся в течение 3-х дней боев 6 июля войсками Северо-Западного фронта город был оставлен, а противник нацелился на Псков. Уполномоченный Военного Совета фронта по проверке работы тыла полковник Назаров отмечал, что «эвакуация местного населения производится плохо. Местные Советы и торговые организации уходят первыми, и население остается не обеспеченным хлебом и другими продуктами, несмотря на то, что местное население принимает активное участие в оборонительных работах»⁸.

Сообщения Советского Информбюро тех дней были сдержанными и неконкретными, информация подавалась с большим опозданием, истинное положение на фронте скрывалось общими успокаивающими фразами. Дезинформация ставила в ложное положение местных руководителей. Боясь быть обвиненными а паникерстве, они не могли самостоятельно принимать решения об эвакуации грузов, а тем более населения. Когда через территорию Псковщины стали уже двигаться обозы беженцев из западных областей страны, людям объясняли, что идет обычное отселение мирных жителей из опасной зоны. Когда же население уже слышало грохот недалекой канонады, его успокаивали тем, что это уничто-

жаются сброшенные врагом десанты. Поэтому из Пскова эвакуация тоже началась с запозданием. Лишь налеты вражеской авиации, а затем и приближение фронта заставили принять спешные меры. Первые шаги по эвакуации материальных ценностей были предприняты 25 июня, а затем город начало покидать и население. Поскольку эшелонов катастрофически не хватало, то поездами смогла уехать из Пскова лишь небольшая часть населения (преимущественно рабочие и служащие эвакуируемых предприятий и учреждений), в большинстве же своем жители покидали город на редких автомашинах, подводах и просто пешком, унося небольшую часть личного имущества в мешках или используя для этого тачки. Плановая же эвакуация населения началась с запозданием – только с 3 июля, а до захвата Пскова гитлеровцами (9 июля 1941 г.) город покинули различными путями 45 тыс. чел.⁹ Но далеко не все из них эвакуировались в тыловые районы страны и включились в работу на нужды фронта. Многие осели в окрестных деревнях, надеясь на скорое окончание войны и возвращение в освобожденный город, другие оказались в соседних областях и районах, также вскоре захваченных противником, а третьи (таковых было немного) вынуждены были вернуться в занятый врагом город, так как путь их отступления оказался отрезанным. Число эвакуированных из Пскова в восточные области страны составляло примерно 20 тыс. чел.¹⁰ Но немало псковичей осталось в захваченном городе, в течение 3-х лет испытывая на себе все ужасы фашистского «нового порядка». Эвакуировалось, прежде всего, городское население, сельские жители в большинстве своем остались на временно оккупированной территории.

Территория вновь образованной в 1944 г. Псковской области, в отличие от соседних Ленинградской и Новгородской, была оккупирована противником целиком, пережила из российских областей самую длительную оккупацию и понесла, по сравнению с ними, более значительные материальные и людские потери. Восстановление ее хозяйства и культуры проходило в обстановке невероятных трудностей, поэтому руководство области в целях получения рабочих рук было заинтересовано в возвращении как можно большего количества населения, оказавшегося по различным причинам за ее пределами. В их число входили демобилизованные из рядов Красной Армии, репатриированные, т. е. вернувшиеся из фашистской неволи, а также эвакуированные в советский тыл и самовольно покинувшие территорию края. Заинтересовано было в возвращении в родные места и подавляющее число самих эвакуированных, о чем свидетельствует тот факт, что уже с февраля 1944 г., т. е. сразу после освобождения некоторых псковских районов, в Ленинградский облисполком и обком ВКП(б) на имя А. А. Жданова, И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова стало поступать множество заявлений от

граждан с просьбой о возвращении на прежнее место жительства. Они поступали из разных мест и областей страны, что свидетельствует о том, насколько далеко разбросала война жителей Псковского края: из Армавира, Кабарды, Сызрани, Казани, Мордовии, Башкирии, Актюбинска, Белебея, Тихвина, из областей – Новгородской, Калининской, Куйбышевской, Молотовской (Пермской), Ивановской, Горьковской, Омской, Кемеровской, Костромской, Вологодской, Ростовской, Красноярского края, Марийской АССР, Башкирии и др. С образованием же в 1944 г. Псковской области большинство заявлений стало поступать на имя председателя Псковского облисполкома. Люди просили разрешения на право въезда на ее территорию, объясняя причины выезда в 1941 г. Чаще всего называлась одна причина: выезд из родных мест под угрозой гитлеровской оккупации. Одним разрешением давалось сразу, в некоторых случаях запрашивалось согласие родственников, иногда – руководства предприятий и учреждений тех мест, где трудились эвакуированные¹¹.

Реэвакуация оказалась не простым делом. Во-первых, трудоспособные эвакуированные были заняты в промышленности и сельском хозяйстве восточных краев, областей и республик (и не только в этих сферах), и быстрый отлив большой массы работников мог отрицательно сказаться на состоянии экономики, в том числе отраслей, особенно важных для государства. Требовалась, следовательно, большая подготовительная работа тыловых районов, чтобы отъезд эвакуированных не привел к резкому спаду производства, а также других участков деятельности, например, образования и культуры. Во-вторых, перевозка миллионов эвакуированных (возвращались в родные места не только жители Псковской области) ложилась дополнительным бременем на и без того перегруженный транспорт, обеспечивающий народнохозяйственные нужды. В-третьих, освобожденным районам необходимо было подготовиться к приему эвакуированных, так как зачастую на месте их прежнего жительства и работы осталась «зона пустыни». Поэтому, как отмечалось в апреле 1944 г. на пленуме Ленинградского обкома ВКП(б), разрешение на реэвакуацию населения в Ленинградскую область было получено не сразу (это касалось и районов, не входивших в состав Псковской области, так как последняя еще не была образована). Руководящие органы Ленинградской области в этих условиях обратили внимание на возвращение к прежнему месту жительства населения, которое было эвакуировано в пределы своей области, о чем уже 14 февраля 1944 г. было принято совместное постановление обкома ВКП(б) и облисполкома. Подобные решения о возвращении населения, размещенного в пределах Ленинградской области, принимались также в конце февраля, в марте и апреле 1944 г. и касались они, например, жителей Гдовского, Карамышевского, Полновского, Середкинского, Сошихинского и др. районов будущей Псковской области. Разрешение же на

реевакуацию в Ленинградскую область до конца года из восточных районов страны 76 тыс. чел. было получено только 11 августа 1944 г.¹²

С этого времени начался поток реевакуации и в Псковскую область, что на первых порах сдерживалось необходимостью разминирования территории: до проведения его разрешение на возвращение не выдавалось. Процесс реевакуации, однако, проходил с меньшими осложнениями, чем репатриации: эвакуированным, по крайней мере, не нужно было проходить формализованную процедуру проверок и «фильтраций». Прием и обслуживание реевакуированных первоначально были возложены на приемно-распределительные пункты, созданные в Пскове и Дно (пункты областного уровня) и в 11 районах, а после ликвидации их этим занялся переселенческий отдел облисполкома¹³. Было установлено, что с территории вновь образованной Псковской области были эвакуированы в 1941 г. 35725 чел., в том числе: 10484 мужчины, 25241 женщина и 14369 детей. Из этого количества больше всего эвакуированных приходилось на город Псков, в то время как в разрезе районов количество их было невелико: из Островского района, например, были эвакуированы 420 чел., из Порховского – 715, Струго-Красненского – 807, Дедовичского – 222, Гдовского – 1325, Лядского – 605, и т. д., что составляло малую часть их довоенного населения¹⁴.

Основная масса реевакуированных возвратилась в родные места в период с конца 1944 г. и в течение 1945 г.: к 1 января 1946 г. их численность в области составила 23180 чел., т. е. более половины от всего количества. В течение 1946 г. число вернувшихся было гораздо меньшим – всего 3206 чел. Таким образом, за два с лишним года в область прибыли 26386 чел. реевакуированных. Случалось, что в некоторых районах число при-

бывших было большим, чем значилось эвакуированных в начале войны: люди, не проживавшие до 1941 г. на Псковщине, приезжали теперь к своим родственникам, а также вместе с псковичами, с которыми познакомились в эвакуации. Так, в Островский район вместо 420 эвакуированных прибыли 670 чел., в Порховский – 807 (вместо 715), но это было, скорее, исключением, чем правилом: чаще всего количество возвратившихся было меньше выехавших¹⁵.

Прибывшие граждане обеспечивались транспортом до мест постоянного вселения, остро нуждающимся оказывалась материальная и финансовая помощь. Общие расходы на нужды реевакуированных составили, например, в 1946 г. 79200 руб., из которых денежная помощь выражалась в 37800 руб. Помимо этого, им выдавалось на 41400 руб. промтоваров, многие обеспечивались карточками на получение хлеба. Прибывающие направлялись на работу в промышленные и сельскохозяйственные предприятия, с жильем же они устраивались по-разному. В Псковском районе, например, 245 чел. поселились в собственных домах, 8 чел. – в общественных, 315 чел. – в порядке подселения к другим семьям, а 32 чел. – в землянках¹⁶.

В 1947 г. поток прибывших реевакуированных в область еще больше сократился: в течение года он составил всего 370 чел., а в 1948 г. почти прекратился вовсе: прибыли только 6 семей (13 чел.)¹⁷.

Общая характеристика контингента реевакуированных и их устройства в области в 1946–1948 гг. представлена в таблице¹⁸.

На этом процесс реевакуации в Псковскую область в основном завершился, т. к. за 1949 год в отчетах переселенческого отдела никаких сведений о прибывающих из эвакуации не сохранилось. Некоторые расхождения в цифровых данных вышеприведенной таблицы объясняются

Численность реевакуированных в Псковской области в 1946–1948 годах

Число прибывших	На 1.01.1946 имелось	На 1.01.1947 прибыло	На 1.01.1948 имелось с учетом выбывших	В 1948 г. прибыло	Всего имелось
Всего	23180	3206	26756	13	26769
в том числе					
мужчин	6233	1136	6834	4	6838
женщин	16947	2070	19922	9	19931
Из них трудоспособных					
мужчин	2998	796	3254	1	3255
женщин	10904	1402	12478	6	12484
Детей обоего пола до 16 лет, из них потерявших родителей	7021 55	627 -	9030 55	6 -	9036 55
Лиц обоего пола в возрасте 55 лет и старше	2257	381	1994	-	1994
Направлено в промышленность					
всего	12449	1506	14398	8	14406
мужчин	3224	626	3589	3	3592
женщин	9225	880	10809	5	10814
Направлено в сельское хозяйство					
всего	10731	1700	12358	5	12363
мужчин	3009	510	3245	1	3246
женщин	7722	1190	9113	4	9117

тем, что наряду с прибытиями населения в область некоторые семьи, оказавшиеся в годы войны на ее территории, отсюда выезжали. В 1946 г., например, таковых оказалось 30 семей, отправленных в Ленинградскую и Новгородскую области; для их перевоза (людей, имущества и скота) было предоставлено 8 вагонов¹⁹. В первом полугодии 1947 г. область покинуло еще 13 семей, в 1948 г. – 5; для возвращения их в родные места (главным образом, в соседние области) также предоставлялся транспорт²⁰.

По-прежнему, как и в 1946 г., реэвакуированным оказывалась разнообразная помощь, и прежде всего, остро нуждавшимся – одиноким и престарелым гражданам, вдовам, женщинам с детьми и др. В марте 1947 г., например, Палкинский райисполком рассмотрел заявление жительницы поселка Палкино М. Корнеевой, прибывшей из советского тыла в мае 1946 г. Семья ее состояла из пяти человек, четверо из которых были нетрудоспособными, муж погиб на фронте, приусадебного участка семья не имела, и поэтому бедствовала. Райисполком решил выдать ей единовременную помощь в размере 250 руб. В такой же сумме было выдано единовременное пособие М. Пакостиной, вернувшейся с тремя детьми из советского тыла в 1944 г., а работнице отдела сельского хозяйства М. Дмитриевой, имевшей на иждивении одного ребенка – 100 руб. Поступило в Палкинский райисполком и заявление Героя Советского Союза И. А. Степанова из д. Коровкино, которому оказали помощь в размере 200 руб. Размеры единовременной помощи по районам области различались: в Гдовском районе, например, она составила в среднем на человека 200 руб., в Новосельском – 180, в Полновском – 100 руб., в Сошихинском – лишь 70 руб., а в Пушкиногорском районе колебалась от 50 до 150 руб. на человека. Размер денежной помощи зависел от возможностей районов и нуждемости граждан. В целом пособия получало не такое уж большое количество реэвакуированных: в Ашевском районе в 1947 г. их получили только 4 семьи, в Новосельском – 5, в Палкинском – 14, в Новоржевском – 24, в Сошихинском – 26, в то время как нуждавшихся в них было значительно больше²¹. Всего за 1947 г. помощь была оказана 440 реэвакуированным на сумму 61624 руб., 52 чел. получили продовольственные пайки (в виде карточек на хлеб), 2807 руб. было израсходовано на транспортные услуги. Большинство прибывших были трудоустроены, что само по себе создавало условия для обеспечения семей; по месту работы реэвакуированных чаще всего решался и вопрос с жильем: нуждавшиеся селились в общежитиях предприятий, совхозов и МТС²².

Переселенческий отдел Псковского облисполкома отдавал себе отчет в том, что определенная часть эвакуированных в другие области в родные места не вернется: они оставались на постоянное место жительства и трудились в городах

и поселках, где оказались в годы войны. Поэтому на основании указания Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР и действительного положения дел он в первом полугодии 1947 г. снял с учета 8158 чел. – эвакуированных из Псковской области в годы войны и не возвратившихся в места прежнего жительства к 1 июля 1947 г.²³ Резкое сокращение числа возвращающихся в область в 1947 г. и почти полное прекращение процесса в 1948 г. подтвердили правильность и своевременность такого решения. Определенная часть эвакуированных не могла вернуться и по той причине, что люди в годы войны просто ушли из жизни. В результате область к концу завершения кампании по реэвакуации не досчиталась нескольких тысяч своих граждан: из общего числа эвакуированных – 35725 чел., к началу 1949 г. возвратилось лишь 26769 чел. – примерно 72%, т. е. Псковский край потерял около 9 тыс. чел.²⁴

В добавление к тому, что в родные места не вернулось большое количество воинов Красной Армии, павших на полях сражений, а также часть оказавшихся за пределами страны жителей (по завершении процесса репатриации), уже тогда Псковская область ощутила на себе отрицательные демографические последствия войны. Особенно они сказывались в сельской местности: в течение 1946 г., например, численность городского населения в области увеличилась на 13,5 тыс. чел., в то время как сельское население, наоборот, сильно сократилось – на 29,4 тыс. чел. Произошло это в результате переселения части сельских жителей в города, в другие регионы страны и уменьшения естественного прироста²⁵. В таких условиях жизненно важным для области являлся любой источник пополнения людских ресурсов, в том числе и реэвакуация. Однако надежды на нее после 1948 г. все больше угасали: те жители, которые пожелали вернуться на прежнее место жительства, уже сделал это.

Во многом сходные процессы переживали и вновь образованные Новгородская и Великолукская области, хотя они и отличались некоторой спецификой, продиктованной ходом недавних боевых действий. К границам Новгородской области фронт приблизился в 1941 г. несколько позже, что позволило в плановом порядке эвакуировать гораздо больше мирных жителей. Так, из 40 тыс. населения довоенного Новгорода были эвакуированы 37 тыс., из 20 тыс. чел., проживавших в Валдайском районе, – более половины. Вдобавок 9 (из 27) районов области вообще не подверглись оккупации, превратившись в ближайший прифронтный тыл, и жители их трудились на нужды фронта. Здесь осела значительная часть населения, переселившаяся из оккупированных районов, и с полным освобождением области в феврале 1944 г. (на 5 месяцев раньше Псковской!) встал вопрос о внутриобластной реэвакуации. Новгородская область была образована раньше Псковской (5 июля 1944 г.), и областные органы

сразу же взяли на себя решение вопросов реэвакуации²⁶. Прибывали в Новгородскую область жители не только из «своих» районов, но и из глубокого советского тыла.

Великолукская область была образована на день раньше Псковской, 22 августа 1944 г. – из районов Калининской и отчасти Смоленской областей. Все они в годы войны подверглись оккупации, но процесс освобождения территории оказался более длительным: некоторые районы были освобождены уже зимой 1941–1942 гг., а полностью освобождение завершилось летом 1944 г. Поэтому население возвращалось в прежние места проживания по мере очищения территории, и реэвакуация осуществлялась в несколько этапов, заняв более двух лет – непосредственно в годы войны, а затем и первые послевоенные – 1945–1947 гг.²⁷ Как и в других областях, в полной мере этот процесс развернулся после окончания войны.

Общим для всех трех вновь образованных областей были не только одинаковые трудности, связанные с тяжелыми последствиями оккупации и военных действий, но и то, что после завершения реэвакуации, репатриации и демобилизации Красной Армии все они «не досчитались» десятков тысяч своего довоенного населения, особенно сельского. Численность последнего в Новгородской области, например, за годы войны уменьшилась с 880 тыс. до 456 тыс. чел. После же завершения в основном процессов реэвакуации и репатриации к весне 1947 г. она несколько выросла – до 488 тыс. чел., но составляла 55% от довоенного уровня²⁸. В Псковской же области последствия войны сказывались еще острее.

Учитывая, что по весьма приблизительным подсчетам численность населения вновь образованной Псковской области составляла в 1940 г. 860 тыс. чел., то к концу 1947 г. в области насчитывалось только 575 тыс. чел., т. е. 66,8% от довоенного уровня²⁹. «Население Псковской области по сравнению с довоенным временем сократилось почти на 300 тыс. чел., – отмечалось в специальном письме Псковского обкома ВКП (б) и облисполкома в ЦК ВКП (б) в марте 1948 г. – За 1946–1947 гг. количество трудоспособного населения уменьшилось на 20324 чел. Сокращение численности населения происходит за счет организованного набора рабочей силы на постоянную работу в народное хозяйство и неорганизованного выезда части населения в другие области, а также за счет превышения смертности над рождаемостью, главным образом в сельской местности. По отчетным данным на 1 января 1948 г. население Псковской области составляет 570,8 тыс. чел., или 65,7% к довоенному, в том числе трудоспособных 356 тыс. чел., из них 41,1 тыс. чел. ограниченно трудоспособных. Восстановление и развитие народного хозяйства области, сильно разрушенного немецкими оккупантами, при слабой насыщенности средствами механизации, требует ежегодно

дальнейшего увеличения рабочей силы. Уже в 1948 г. потребность в рабочей силе на выполнение плановых заданий возрастает на 31,8 тыс. чел., в то время как численность трудоспособного населения увеличивается только на 7 тыс. чел. за счет передвижки возрастных групп...»³⁰.

Таковы были последствия войны для народонаселения Псковского края, к которым добавлялись и косвенные: сокращение рождаемости, преждевременная смерть людей, получивших ранения или перенесших многие лишения, и др. Сказалась на численности и составе населения области и эвакуация части ее жителей в начале войны.

Примечания

- 1 См.: Федоров С. М. Возрождение // Псковский край в истории СССР : Очерки истории. Псков : Псковское отделение Лениздата, 1970. С. 419–433.
- 2 См.: Федоров С. М. Возрожденный из руин // Псков : Очерки истории. Л. : Лениздат, 1971. С. 326.
- 3 См.: Абрамова М. А. На освобожденной земле. Деятельность Коммунистической партии по возрождению освобожденных от немецко-фашистской оккупации районов северо-западных областей РСФСР. 1944–1950 гг. Л. : Изд-во ЛГУ, 1981. С. 19.
- 4 Кутузов В. А. Возрождение земли Ленинградской. Коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Л. : Лениздат, 1985. С. 84–85.
- 5 См.: Филимонов А. В. Поднятый из руин : Послевоенное восстановление и развитие Пскова (1944 – начало 1950-х гг.). Псков : ГППО «Псковская областная типография», 2008.
- 6 Скрытая правда войны : 1941 год. Неизвестные документы / сост. П. Н. Кнышевский, О. Ю. Васильев, В. В. Высоцкий, С. А. Соломатин. М. : Русская книга, 1992. С. 51–53.
- 7 Там же. С. 118.
- 8 Там же. С. 126.
- 9 См.: Псков в годы Великой Отечественной войны : очерки / сост. Я. Н. Альмухамедов. Л. : Лениздат, 1981. С. 10.
- 10 См.: Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области (далее – ОДНИЛС ГАПО). Ф. 9952 ; (Государственный архив новейшей истории Псковской области). Оп. 2. Д. 28. Л. 5.
- 11 См.: ГАПО. Ф. Р-1121 (Отдел по труду Псковского облисполкома). Оп. 1. Д. 28. Л. 1–312.
- 12 См.: Кутузов В. А. Указ. соч. С. 80–82.
- 13 См.: ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219 (Псковский областной комитет КПСС-КП РСФСР). Оп. 1. Д. 73. Л. 85.
- 14 См.: ГАПО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 126. Л. 2, 5, 6, 10, 11, 14 ; Оп. 2. Д. 2. Л. 2.
- 15 Там же. Оп. 1. Д. 126. Л. 2, 5 ; Оп. 2. Д. 2. Л. 2 ; Д. 4. Л. 13.
- 16 Там же. Оп. 1. Д. 126. Л. 15 ; Оп. 2. Д. 4. Л. 13.

- ¹⁷ ГАПО. Оп. 2. Д. 9. Л. 12 ; Д. 13. Л. 11.
- ¹⁸ Там же. Д. 7. Л. 1 ; Д. 16. Л. 1.
- ¹⁹ Там же. Д. 4. Л. 13.
- ²⁰ Там же. Д. 9. Л. 1 ; Д. 13. Л. 11.
- ²¹ Там же. Оп. 1. Д. 211. Л. 1, 12, 16, 18, 23, 24, 28, 30, 51, 63.
- ²² Там же. Оп. 2. Д. 9. Л. 1, 12–13.
- ²³ Там же. Д. 7. Л. 7.
- ²⁴ Там же. Д. 2. Л. 2 ; Д. 16. Л. 1 (процент подсчитан автором).
- ²⁵ См.: ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 395. Л. 165.
- ²⁶ См.: На земле Новгородской : очерки по истории Новгородской области / науч. ред. В. Н. Базовский. Л. : Лениздат, 1970. С. 207–209, 274, 282.
- ²⁷ См.: Решетов С. Н., Антонова З. П. Возрожденный из руин. Л. : Лениздат, 1988. С. 14, 175.
- ²⁸ См.: Очерки истории Новгородской организации КПСС / науч. ред. Н. А. Антонов. Л. : Лениздат, 1983. С. 275, 315.
- ²⁹ См.: ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 395. Л. 164.
- ³⁰ Там же. Д. 593. Л. 5.

Образец для цитирования:

Филимонов А. В. Ревэвакуация жителей Псковской области (1944–1948 годы) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 464–470. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-464-470>

Cite this article as:

Filimonov A. V. Revacuation of Residents of the Pskov Region (1944–1948). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 464–470 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-464-470>
